

"Отомстил"

Текст с иллюстрациями можно прочитать здесь:

<http://www.liveinternet.ru/users/4514961/post254085389/>

Принесла мне недавно соседка овощи, завёрнутые в местную газетку, а там оказалась подборка стихов знакомого мне саратовского поэта. Одно из них, судя по всему, было адресовано мне. Называлось: «Встретившейся через 20 лет» и начиналось патетически:

Ты НЕ изменилась! В бряцании «лирном»
всё тот же уверенный бред!

Далее шло перечисление моих физических «изъянов», которые он со злорадством и упоением описывал. И то, что за это время «раздалась в нижнем бюсте», который «души моей ширше», и про мои «неумные вирши», и про «нерождённых детей», и про «случайного мужа», в любви к которому «себя убедить не смогла», - сто пудов злобы и грязи! - и про его «якобы пыл», о котором я когда-то писала (боже мой, вспомнил, что было сто лет назад!):

Слышал, обо мне ты писала нескромно -
про мой к тебе якобы пыл.
Я, правда, тебя и ни разу не вспомнил...

Вот так не вспомнил! Все эти годы, оказывается, лелеял мысль о мести, дожидался своего часа, выгадывал-высчитывал удобный момент и наконец выхаркнул всё, что таил в закромах своей чёрной души. «Встретившейся» - не встречалась я с ним нигде. Не могу припомнить никакой встречи. Где он меня подглядел, в какую подзорную трубу высматривал? Разве что лет 15 назад, когда, увидев его на остановке, демонстративно отвернулась, не поздоровавшись? Мне уже были известны его низкие поступки и слова в мой адрес, и я не хотела лицемерить, показав своим видом, что всё знаю и поддерживать отношения больше не хочу. И он, обескураженно уставившись в мою спину, сверлив её взглядом, пока не подошёл троллейбус, наверное, тогда и задумал, как бы посмачнее ответить на моё откровенное презрение, все эти годы копив в себе силы для этого стихотворного плевка.

Знала я его очень давно, ещё с литобъединения, в которое ходила в юности. Много лет был другом, даже поклонником, потом пути наши во всех смыслах разошлись. До недавнего времени посещал мои лекции, под впечатлением которых писал:

Смотрит тьма зачарованно в окна,
смотрит столб — зачарованный дым.
Ты рассказываешь про Блока,
ты давно очарована им.

И цитируешь снова и снова
вдохновенные строки певца.
Ну а я... я тобой очарован
навсегда, целиком, до конца.

Дай губами коснуться локонов -
и не тех, отражённых в окне...
Богу богово, Блоку — блоково,
но хоть что-то положено мне!

Освещённая внутренним светом,
справедливо ли это вполне:
полтора часа на поэтов,
и всего полминуты мне?!

Впрочем, мне и не надо многого,
не люблю попрошаек-зануд.
Блоку блоково, Бокову — боково,
но и меня не забудь.

Как там у него в этой газете?.. Цитирую:

А щёки раздулись довольством как глобус
и взгляд как всегда недалёк.
И мелкие глазки сияют как кобальт,
а вовсе не как василёк!

Ну что сказать? Кому — как василёк, а кому и как кобальт! Как он сам писал «Блоку-блоково, Богу — богово», а ему — вот такое, «кобальтово». Иного не достоин. Говорят, у страха глаза велики. У ненависти они, видимо, не меньше. «Василёк, василёк...» Вспомнились его стихи 20-летней давности, которыми была у меня где-то на антресолях набита целая папка. Не поленюсь, достану.

Скачет, льдинками позвенивая,
талая вода.
Я вот глаз таких сиреневых
не видел никогда.

В половодье губы влажные
ветер остудил.
Будь стихи твои неважными -
всё равно бы их любил.

Между лицами косыночка
ненадёжная — как лёд.
Половодье понадвинется -
зазевашься — зальёт.

И тону я понемножечку...
Слова твои — вода.
Я стихов таких тревожащих
не слышал никогда.

Или это:

Неужель меня присушат,
изведут на этот раз
одуванчики веснушек,
васильки лукавых глаз?

Повезло — опять увидел!
Дай бог силы перенести!
И бежит моя погибель,
и не знает, что я есть.

Не заметит, не обидит,
а потом домой уйдёт.
Сядет к зеркалу, увидит
чудо, только не поймёт.

И взобьёт коктейлем кудри,
чтоб смеялись на весу.
И в слезах, наверно, пудрит
одуванчик на носу.

Их было очень много за несколько лет — с автографами, посвящениями.
«Любви не внушила...» - пишет он в своём нынешнем стихе-пасквиле. К сожалению — скорее, для себя к сожалению, чем для него — именно что когда-то внушила. Никогда не афишировала этого, щадя его чувства и питая какое-то уважение и сочувствие к чужой безответной любви, к тому же так талантливо и искренно (как мне казалось) выраженной, но теперь — раз всё неправда, раз «якобы пыл» - что ж церемониться-то. Приведу ещё.

Кравченко Наташе (и некоторым другим)

Я внезапно столкнулся с тобой
на беду окружающей ночи:
с этих пор, как пожар голубой,
полыхают во мне твои очи.

Сладким морем качают слова,
музыкально-безумно простые.
Синева, твоих глаз синева
залила мою землю — Россию.

А сомненья, как сабельный след,
я, наверное, скоро забуду.
И желаний других уже нет -
только б жить, восхищаясь, покуда

предо мною пожар голубой
заслонил полыханием дали.
Третий раз я пою про любовь.
Только, Саша, не надо скандалить.

(Ответ соперника А. Свешникова на том же листке: «А я вообще не умею скандалить». Кстати, месть Свешникова, такого же неудавшегося ухажёра, тоже спустя годы меня настигла. Об этом можно прочитать [здесь](#)). Была эта переписка-перекличка «женихов» на моём дне рождения, когда я отмечала 26-летие. Почему помню — а вот панегирик влюблённого поэта в

мою честь: «Двадцать шесть ей, братцы, двадцать шесть! Что-то в ней определённо есть...»
Был ли там в гуще гостей Куракин — не могу вспомнить, но, видимо, был, раз уверяет в своей «пародии», что я положила ему на тарелку «крылышко кролика», о чём якобы пожалела 20 лет спустя. Не пожалела, потому что не помню такого абсолютно. Но, возможно, бабушка и положила что-то на тарелку, как всем гостям, не обносить же его. Кто ж знал, что это «крылышко» у него спустя 20 лет костью в горле станет.
Но вернёмся к опусам М. Муллина — назовём наконец и его имя.

Рябина — горькая отрада
в моём чернеющем лесу.
Я эти грозди принесу
той, что всегда рябине рада.

Встречают горы сизым смрадом,
слегка колеблясь на весу,
густеет зыбкая ограда,
мешаясь с тьмой в седьмом часу.

Но велика ли мрака сила,
раз Натали меня просила
об этой малости трудов?

Туман руками раздвигаю.
Пойду, рябины наломаю,
а после наломаю дров.

Вариации (читая Н. Кравченко)

Тает снег, тает лёд -
Почему? - дурак поймёт!
Вот и я уже, похоже,
с Вами рядом таю тоже.

Растаю, видно по всему,
как самолёт, зато
теперь я знаю, почему
на свете был потоп!

Было и серьёзное:

Бог намудрил, тебя творя,
Когда ребро живое вынул...
Ты — плоть моя и кость моя —
Ну как тебе не быть любимой?!

Проходит век, проходит час,
А бок зажить никак не может:

Моя отторгнутая часть
Мне всё нужнее и дороже.
В растратах Бога не виня,
Не устаю тобой дивиться,
И ясно вижу: от меня
Отняли лучшую частицу.

Для счастья сделан и добра,
Но без запаса был рассчитан —
Я без тебя, как без ребра, —
И кривобок, и беззащитен.

Сейчас это стихотворение Муллин публикует под нейтральным названием «Женщине», но у меня оно сохранилось с посвящением мне.

Опять стихи на краешке стола,
опять парю, едва касаясь стула,
опять меня надежда обманула,
но слава ей — она во мне была!

Я знаю, что с колен твоих пола
сейчас сползла, и ты полууснула,
утомлена магнитофонным гулом, -
дневных событий вертится юла.

Два полюса, мы далеко стоим
и сблизиться не сможем, очевидно,
а всё душа чего-то втайне ждёт.

Я изменил пристрастиям своим:
сомнения верны, но пусть погибнут!
Надежда — лжец, но пусть она живёт!

А сколько было акростихов! Ещё немножко вашего терпения:

Акростих

Как близко небо от земли вдали,
Рискнуть дойти захочется и пешком,
А вот пойдёшь — и будто кружит леший.
Вот так и Вы близки, хоть с ног вались.

Чуть-чуть куражась, любите шалить...
Естественно, что я бунтую, взбешен.
Но Вы меня простите, Натали.
Конечно, этим буду я утешен.

Опять пойду, как мне душа велит,
На небе жаворонок — как прибит,

Анафема его призывам звонким!

Таранит воздух человеческий лоб.
А может люди появились, чтоб
Шагать всю жизнь как к цели, к горизонту?
Ей-ей.

Акростих

Нет, не напрасно я пришёл на землю,
А всем сомненьям в пользе бытия
Так равнодушно с нашей встречи внемлю -
Ах, не нелеп под солнышком и я!
Шальные гроздя падающих звёзд
Ежеминутно бьются вдрызг на счастье.
Как радостно, как весело до слёз
Решительное их ко мне участие!
Апрельски свеж весь год, - и даже в чистом поле
В душе теплынь, прекрасная до боли
чуть взбалмошных, слегка туманных грёз...
Едва ль во мне и беды истребят
Нежданный вывод, что в ночи явился:
Конечно, я затем на свет родился,
Однажды чтобы увидеть тебя!

Акростих

Как проснёшься — сразу улыбнись.
Радость-рыба на улыбку клюнет.
Ананасным соком брызнет жизнь.
Всё пустое позабудешь втуне.
Чистым соком утра душу мыть
Ежедневно — лучше всех гимнастик.
Надо громко крикнуть миру: «Здрасте!
Как дела? Давай с тобой дружить!»
Он согласьем, думаю, ответит..
Несомненно, всех нужней на свете
(А подумать, только ли ему?)
Ты... и утром, и в обед, и ночью...
Арабески света, блики, точки -
Шире веки: радость-рыба зыбко
Ежедневно ждёт твою улыбку.

Акростих

Никчему изощряться в сонетах -
Акростих — это тоже форма.
Ты на свет появилась поэтом,
А поэт — хоть не сладко, да гордо...
Шаг поэта — движенье к барьеру,

Если только не вытравит Веру
Ком горячий, щекочащий горло...
Радость образа — синяя птица,
Аромат на блокнотной странице -
Всё, как магу, подвластно тебе.
Чрево мира, развёрстое настезь,
Ежедневное трудное счастье...
Но поэту ль сдаваться в борьбе?
Как ты можешь, Наташа, скажи,
Оставаться поэтом и... жить?!

(Сейчас-то он в своих «эпиграммах» пишет обо мне не иначе как «поэтесса» (неизменно в кавычках).

Зачем я привожу все эти стихи? Не для того, чтобы похвастаться — вот как меня любили — лестного тут для меня мало. Не для того, чтобы «уличить» в двуличии или аберрации памяти. Нет, мне и тогда-то это было безразлично, а теперь и подавно. Просто поразила метаморфоза хамелеоновской сущности этого субъекта.

Ведь такие искренние слова умел находить, такие чувства способен был испытывать. «Робот, ты же был человеком», - вспомнилась старая песня. Когда жеросло всё то чёрное, низкое и поганое, что поглотило лучшее, что в нём было? Или оно уже было, но умело маскировалось?

Речь не о том, разумеется, чтобы хранить верность своим увлечениям — никто никому ничего не обещал и не должен, - но хотя бы уважение элементарное к старой дружбе, к объекту своих многолетних переживаний и стихов, к своему же мужскому достоинству. Обесценивать былое, плевать в самого же себя прежнего, в свои же прошлые чувства — это самозащита низких и ничтожных душ.

Любопытно сравнить те его описания моего облика и таланта — с нынешними. Ну ладно, внешне я уже не та. И глаза — не «лукавый василёк», и не «небывало сиреневы», чья синева «затопила всю землю — Россию», и кудри не те, и формы другие. Но как разительно изменился в его интерпретации мой стихотворный дар, о котором он писал некогда: «радость образа — синяя птица, Аромат на блокнотной странице - Всё, как магу, подвластно тебе», и «я стихов таких тревожащих не слышал никогда», «будь стихи твои неважными — всё равно бы их любил», даже где-то подчёркивая моё превосходство в этом вопросе:

Я больше оценил бы Листа
и Вашей лиры б знал искус,
да вот в Башкирии скалистой
едва ли б мог развиваться вкус.

А теперь пишет:

Ты НЕ изменилась! В бряцании «лирном»
всё тот же уверенный бред!

Так если не изменилась — как же понимать те признания и эти? Что, лицемерил тогда? Льстил? Ошибался, талант претерпел изменения и ныне упал в его глазах? Так я же «НЕ изменилась», не просто даже «не», а «НЕ»!

Я бы, может, и никогда не узнала себя в том чудовище, что он обрисовал, смакуя каждую деталь в моём облике и придавая им гиперболизированный, карикатурный вид, фотографии

всё-таки кажут иное,)) но что-то подсказывало мне, что это его стихотворное «извержение», исторгнутое из самых низменных глубин тщательно скрываемой от всех сущности, всё-таки адресовано мне, уж очень личностная злоба и застарелая обида читалась между строк. Не вижу, кто ещё в Саратове мог у него вызвать такой шквал бешеной ненависти. Поскольку человек он очень осторожный, со всеми ладящий, напоминающий чем-то своими льстивыми рецензиями и предисловиями к многочисленным сборникам Молчалина, «угождавшего всем людям без изъятия», исправно печатавший в своей ведомственной газетке, пока не ушёл на заслуженный отдых, всех своих друзей, знакомых и нужных особ. Врагов, кроме меня, не имел и иметь не мог. Я одна пошла тогда против всей этой коды. («Свора») И Муллин был единственным из них, кто пока ещё никак в ответ не высказался. Ну, думала тогда наивно, значит, осознал, понимает, что нечем крыть. Но он нашёл — чем. Долго думал, почти 15 лет, трусливо затаившись, ждал своего часа, пока не окрепнет в литературном статусе, не обростёт нужными связями, регалиями и влиятельными покровителями, что в случае чего поддержат, не дадут в обиду. Пыжился-гужился и — выдал наконец свой залп из одного места.

Думаю, любой непредвзятый человек, прочтя такой, с позволения сказать, литературный «портрет», первым делом подумает: чем же это она ему так насолила? Ну в самом деле, не тем же, что состарилась с годами и подурнела по сравнению с той, что была четверть века назад? Ему-то какое до этого дело, раз «любви не внушила». (Для тех, кто меня не знает, привожу несколько своих последних фотографий, чтобы могли представить воочию).

Ну вот эти — совсем уж последние, где я действительно уже «не та...»

Да, не красавица, кто спорит. Но - можно подумать, что сам-то обличитель — стройный, большеглазый и моложавый супермен? Отнюдь. Фотографии соврать не дадут.

В молодости тоже обаянием не блистал (80-е гг).

Но мне бы в голову никогда не пришло издеваться над чужой внешностью, унылым бобылёвым существованием, бездетностью и прочих неурядицах его жизни. У всех она складывается по-разному, не всегда так, как бы хотелось. Есть вещи, о которых говорить, не то что корить и колоть глаза — бестактно, кощунственно, недопустимо:

Боясь недалёкого в сущности гроба,
блефуешь без всяких затей.

Я никогда не писала о страхе своей смерти, никогда о ней не думала, разве что о том, что будет после неё. Я писала только о смерти и страхе смерти своих близких. О тоске без них. Только моральный урод мог увидеть в этом повод для зубоскальства.

И нежно ласкаешь угрюмую злобу
взамен нерождённых детей -

этой фразой он думал меня ранить, поразить наповал. А ведь начертал свой собственный портрет. Что называется проговорка по Фрейду. За всю жизнь не найти ни одной женщины, которая согласилась бы связать с ним свою судьбу или родить от него ребёнка, или хотя бы на время скрасить одиночество — это нужно умудриться, можно себе представить, каким монстром для этого надо быть. Ещё в молодости я интуитивно почувствовала в нём эти неприятные черты характера, которые с годами видимо разрослись и стали причиной пожизненного угрюмо-одионого существования. Как это можно — в своём глазу не видеть

такого бревна? Никогда бы не уколола, но ведь сам напросился.

Ещё один стих из прошлого:

**Узелок на память или
объяснительная записка**

Забыт я? Что ж, спешу напомнить:
небезызвестный Михаил,
забыв про такт, забыв про скромность,
к ИСКУССТВУ (!) руку приложил -
и это должно называться,
конечно же, «рукоприкладство».

Я вынужден признать уныло,
что даже тайно, и в ночи,
но хорошо с посконным рылом -
да в ряд, где лепят калачи:
кисть не далась мне и струна
Эолова мне не дана.

Я больше оценил бы Листа
и Вашей лиры б знал искуc,
да вот в Башкирии скалистой
едва ли б мог развиться вкус:
я вспоминаю, как намедни,
во мне прекрасное душа,
по мне гуляли там медведи,
ступая прямо по ушам.

А после, разбивая в брызги
мои надежды, под кустом
две рыси вкус мой бедный грызли
и запивали кумысом.
Талант мой скудный, умирая,
под звуки грустного курая,
сказал: «Прости, не для тебя
назначен в этом мире я -
и не берись ты всё равно:
за кельму ль, кисть ли иль перо...»

И я б не стал пером елозить,
в слова разматывая нить
из пасты... но, хоть одиозен,
не мог я Вас не оценить.
И понял, было б упущеньем,
на сердце оставляя камень,
скрыть наше Вами восхищенье.
Восторг горячий перед вами
уж мне не выразить в словах,
ну разве только словом: «Ах!»?

На это «Ах!» теперь можно сказать только: «ну и ну!».

Раньше даже сочувствовала ему, его многолетнему одиночеству, пыталась познакомить с кем-нибудь подруг. (Правда, безуспешно, об их комментариях умолчу, а ему я, естественно, из гуманности ничего тогда не сказала.)

«Два полюса, мы далеко стоим», «в Башкирии скалистой едва ли б мог развиваться вкус ...», «талант мой скудный» - он смиренно признавал и подчёркивал нашу несовместимость, освобождая меня от необходимости неприятных объяснений. Я благодарна была за то, что сам всё понимает, ничего не требует и платила ему верной и чистой дружбой. Не я, а он её предал. (Об этом — в рассказе [«Зависть»](#))

Зависть

Наташе

Будто выдуло из леска
облаков смешное стадо.
Я завидую облакам -
облакам тебя не надо.

Распевая песню ничью,
мчит весёлый ручей без огляда.
Я завидую и ручью -
ручейку тебя не надо.

Но печально в своей вышине
облака проплывают мимо. -
Облака завидуют мне:
мне ты просто необходима.

И, устав от своих речей,
став широким, спокойным, полным,
мне завидовать стал ручей,
потому что тебя я вспомнил.

Стал я тайны великой знаток
в результате нелёгкого опыта,
что и мне ты нужна за то,
что нужна и ручью, и облаку.

Как ни печально, но эта чистая юношеская зависть к облаку и ручью с годами трансформировалась в банальную зависть к чужому успеху, о которую разбилась и старая привязанность, и любовь. Такая метаморфоза души — пострашнее метаморфозы постаревшего лица и тела.

Итак, продолжим разговор о нашем «мстителе».

Не найдя, чем бы таким утешиться в ответ на давнюю литературную критику, он почему-то вздумал похабно охаивать и разбирать по косточкам в местной прессе мою внешность, как будто я пришла к нему пробоваться на конкурс моделей. Какое ему дело, собственно, до моей красоты и комплекции, до цвета глаз и щёк, до моей любви к мужу, которую он считает себя вправе отрицать, до рождённых или нерождённых детей?

Заключительный пассаж, как комок грязи в спину:

А в том, что ты любишь случайного мужа -
себя убедить не смогла!

Мне не нужно никого и ни в чём убеждать. Мы с мужем уже 30 лет вместе, он никогда не был для меня «случайным», и я ни разу ни одной минуты об этом не пожалела. («С тобой вечный день рожденья»). Я пишу об этом не потому, что хочу кого-то в чём-то убедить, а потому что пишешь всегда о том, чем живёшь, дышишь, что чувствуешь. Я понимаю, трудно объяснить это человеку, который, дожив до седьмого десятка, никогда не знал семьи, союза близких душ, это всё равно что говорить слепому о цветах. Ну вот несколько моих стихотворений, посвящённых Давиду, - разве можно усмотреть в них хоть тень «принудительности», натужности, неискренности?

Опять наговорила на червонец,
ни слова от тебя не утая.
Я диск кручу, дурея от бессонниц:
ну как ты там, кровиночка моя?

Ты спросишь, что я делала? Любила.
В календаре вычёркивала дни.
Событья и слова тебе копила.
Всё подмечала, что тебе сродни.

Засыпан город весь осенней медью —
сердечки писем в дальние края...
Звучит в ночи сквозь бездны и столетья:
«Ну как ты там, кровиночка моя?»

* * *

Всего лишь жизнь отдать тебе хочу.
Пред вечности жерлом не так уж много.
Я от себя тебя не отличу,
как собственную руку или ногу.

Прошу взамен лишь одного: живи.
Живи во мне, живи вовне, повсюду.
Стихов не буду стряпать о любви,
а буду просто стряпать, мыть посуду.

Любовь? Но это больше чем. Родство.
И даже больше. Магия привычки.
Как детства ощущая баловство,
в твоих объятиях заключусь кавычки.

Освобождая сердце от оков,
я рву стихи на мелкие кусочки.
Как перистые клочья облаков,
они летят, легки и худосочны.

Прошу, судьба, не мучь и не страши,
не потуши неловкими устами.
В распахнутом окне моей души
стоит любовь с наивными цветами.

* * *

Ты стал моим берегом и оберегом.
Вхожу в твою душу, как в тёплую реку,
и чувствую почву и твёрдое дно —
всё то, без чего устоять не дано.

Жила без любви, без надежды и веры,
и в пропасть манили ночные химеры.
Но что мне теперь даже самая смерть,
когда под ногами небесная твердь?

Ты был мне обещан и Богом, и Чёртом,
давно позабытым в веках звездочётом.
Так выпали карты и звёзды легли —
идти нам одною стезёю земли.

В волосах — ни сединок, в глазах — ни грустинки,
и ни капли горчинки в горячей крови.
Я прошу тебя, жизнь, не меняй ту пластинку,
пусть закружит нас вальс вечно юной любви.

Я на карте места наших встреч обозначу,
календарному дню воспою дифирамб.
И тебя воспою, и в стихи мои спрячу,
никакой вездесущей судьбе не отдам.

Всё, что бредило, зрело во мне и бродило,
лишь сумятице сердце прикажет: нахлынь! —
то теперь до последней морщинки родимо,
и качает меня твоей ласки теплынь.

Я — изделие твоё. Твои руки и губы
из меня воедино собрали куски.
Ты вдохнул в меня жизнь на манер стеклодува.
Я забыла вкус боли и запах тоски.

Отдаю или беру — различить не умею.
И хочу одного я теперь, не шутя —
лишь любить и голубить, и холить, лелея,
и баюкать тебя, как больное дитя.

В твоём сердце зерном по весне прорастаю.
Отражаюсь в зрачках твоих: та ли? не та ль?
Может статься, единственная из ста я,

что, как Золушке, впору пришёлся хрусталь.

Солнце апреля в субботней тиши.
Город разъехался на огороды.
В браузер утра что хочешь впиши:
«Книги». «Уборка». «Вдвоём на природу».

В тёплых ладонях упрячется прядь,
нос обоснуется в ямке ключицы.
Нам уже нечего больше терять.
С нами уже ничего не случится.

Утро — такое богатство дано!
Мы выпиваем его по глоточку.
Счастье вдвойне, оттого, что оно,
как предложение, близится к точке.

Тянется, как Ариаднина нить...
О, занести его в буфер программы
и сохранить! Сохранить! Сохранить!
Вырвать из будущей траурной рамы!

Круг абажура и блик фонаря,
солнечный зайчик над нашей кроватью...
Лишь бы тот свет не рассеялся зря,
лишь бы хватило подольше объятья!

Стражник-торшер над твоей головой.
В веках прикрытых скопилась усталость.
Свет мой в окошке до тьмы гробовой!
Сколько тебя и себя мне осталось?

... И зонт складной не забудь там, ладно?
Ну что ж ты у меня такой нескладный.

Опять ботинки вымокли до донца.
Очки возьми, да нет, не те - от солнца.

Ключи бери. Мобильник, ради бога!
Да осторожно там через дорогу.

А ты выходишь в дверь на снег и ветер,
и знает Бог, что ты один на свете.

Я знаю, он не тронет, не обидит,
когда - вдвоём, когда никто не видит.

Пусть озаряют облака твой путь лишь.
Пройдут года, века, а ты — пребудешь.

Пусть мира зуммер захлебнётся в трансе,
а ты, мой Мюллер, навсегда останься.

А ты, мой милый, будь везде и всюду.
Я буду здесь, я буду верить чуду,

что даже смерть не сгладит вечным глянцем
твоих на сердце отпечатков пальцев.

Они пылают розы лепестками,
они плывут по небу облаками.

Пока их защищаю, как волчица,
то ничего с тобою не случится.

Взвалю на чашу левую весов
весь хлам впустую прожитых часов,
обломки от разбитого корыта,
весь кислород, до смерти перекрытый,
все двери, что закрыты на засов,

вселенское засилье дураков,
следы в душе от грязных сапогов,
предательства друзей моих заветных,
и липкий дёготь клеветы газетной,
и верность неотступную врагов.

А на другую чашу? Лишь слегка
ее коснётся тёплая щека,
к которой прижимаюсь еженощно,
и так она к земле потянет мощно,
что первая взлетит под облака.

Как объяснить, какое это счастье, когда рядом человек, который понимает тебя с полуслова, защищает, оберегает, с которым тебе интересно и по-настоящему хорошо.

Это он, горе-Ромео, оказывается, всю жизнь пытался убедить себя, что виноград зелен, что «не больно-то и хотелось», «если к другому уходит невеста...» и т.д. - весь стандартный набор утешений такого рода. Ну и хорошо, что зелен, радуйся, что оскомина тебя миновала, что ж такой взрыв застарелой злобы-то, что же столько брызжущей слюны и душевной грязи?

Ну конечно, это снова зависть. Раньше — к моим книжкам, которых у него ещё не было, теперь — к недоступной ему чужой любви.

Помню, несколько лет назад попалось мне его стихотворение в местной газетке. Там было о том, что встречался он в своей деревенской юности с некой феминой где-то «у стога» и просил Бога, чтобы она стала его женой. А потом прошли годы, увидел он её уже в другом

постаревшем обличии и облегчённо возблагодарил Бога, что тот не исполнил той давней мечты и не дал ему её в жёны. Как-то так — точно не помню, но смысл примерно такой. Прочла я его, помню, и задумалась — а уж не обо мне ли это? Правда, ни у какого «стога» мы с ним не встречались, я в деревне никогда не жила, но, возможно, это для рифмы — «у стога» - «у Бога» (как же убого! господи). Решила, что всё же это не обо мне, какая-нибудь односельчанка, которая тоже не польстилась на красивые поэтовы слова, ума хватило.

И вот — та же коллизия. Увидел спустя много лет и возблагодарил Всевышнего. Думаю, для такой благодарности поводов у него всегда будет много.)

Предвижу, что припёртый к стене Муллин, возможно, трусливо «уйдёт в несознанку» и станет уверять, что он вовсе не меня имел ввиду. С другой встречался у стога, другую рассматривал в подзорную трубу из-за угла, другая якобы «писала о нём нескромно», другая вызвала такое злорадное ликование при виде того, что уж не та. Ну что ж, сочувствую в таком случае той, кого он почтил своей якобы равнодушной ненавистью. (Как это пела Шульженко: «Но я отомщу Вам, но я докажу Вам, что мне всё рав-но!!!»)

Я, конечно, не думаю, что у Муллина совсем не было женщин. «Случайные», как он сам выразился, надо отдать ему справедливость, были. С одной из них он даже отмечал у нас с Давидом Новый год. Кажется, это был 1988-й. На другой день у них что-то разладилось — из деликатности не спрашивала. А потом прочла у него стих под названием «Гостья», и многое стало понятно.

В серебряных туфлях, в чешуйчатом платье,
С воздушной прической, змеино-тонка,
Ты в этой халупе холодной некстати
И в этой тиши неприлично звонка.

Ты в наши миры любознательно вхожа,
Но любишь привычно злащёный чертог.
И платье снимаешь с опаской, как кожу,
И прыгаешь всё же... к сверчку на шесток.

Больное тщеславье доступностью лечишь,
Ступая по стыни ногою нагой.
Неужто забыла — шесток — это печи
Преддверье? За ним полыхает огонь.

И смотришь в глаза мне, а что если сдуру,
Поверивший в сказки твои — так и быть! —
Сожгу лягушачье-змеиную шкуру —
Не страшно ли в люди опять выходить?

Очень покорило оно меня тогда, несмотря на внешнюю эффектность. Человечески покорило. Уже тогда почувствовалось это низкое — другого слова не подберу — отношение к женщине. Пусть не ровня, выше его по уму, по красоте или статусу, не суть важно, но она хоть на краткий период осветила твою жизнь, так будь же благодарен ей за это, а не злобствуй. Помните, у Окуджавы, счастливо-изумлённое: «Ваше величество, Женщина, Вы неужели - ко мне?» Тут же — мстительное шипение в спину: «А, такая-сякая, погнушалась? Так вот же тебе, получай!» Нет, пушкинское «как дай Вам Бог любимой быть другим» - явно не его стезя.

Может, в этом и корень его одиночества по жизни. И чёрной зависти к тем, кто счастлив. Или вот ещё какая-то его эпиграмма — не знаю, о ком, но догадываюсь, отголоски этой

истории до меня доносились:

Она хотела в одалиски,
а рылом вышла в скандалистки.
Те, кто не взял её в наложницы -
теперь от визга с бранью ёжатся.

Что бы там у него с ней ни было — гнусно.

Вообще отношение к женщине — это та лакмусовая бумажка, которой измеряется не только культурный уровень человека, но и состояние общества, уровень цивилизации. Тут наш герой оказался явно не на высоте.

Ну а теперь перейдём к главному — из-за чего, собственно весь сыр-бор? Где насыпала соли на хвост, прищемила жизненно важные органы, так что ни сесть-ни встать не мог, пока наконец не облегчился в дружественной ему газете?

«Слышал, обо мне ты писала нескромно - про мой к тебе якобы пыл».

Ну хорошо, «якобы пыл», якобы любил. А в стихах лицемерил.

Я не умею, как он, лицемерить ни в стихах, ни в жизни. Пишу, что думаю, хвалю и ругаю то, что нравится или не нравится, а не то, за что заплатят или из соображений дружества, кумовства или сведения личных счётов. Муллин этим похвалиться не мог.

Когда читаю его лизоблюдские рецензии и предисловия к сборникам Амусина, Грачёва, Генералова, Мартыновой и других членов этой тусовки под названием АСП, вспоминается поздний Северянин:

Мысль, даже мысль продажна,
даже любовь корыстна...

Никогда не забуду, как он щедро предрёк жутким виршам Амусина (Таволгина, Бориса Орлова) великое поэтическое будущее, написав в предисловии к его книге: «Прочитав этот сборник, веришь: не только благодаря поэзии А. Пушкина, И. Бунина, Н. Рубцова, но и таких, как А. Амусин, звезда русской поэзии никогда не закатится!» (Да, без Амусина она бы закатилась, это уж точно).

А вот и сами «великие стихи»:

От тебя не нужно мне
ни добра, ни золота...
Что ни дашь – гвоздь по спине, (?)
да стекло от молота... (!)
Возьму песню новую,
В ней останутся луна,
наши звёзды с вишнями...
Допою один до дна (!!!)
и не надо лишнего!

Здесь лишнее всё, до единого слова. ([«Бредит сивая кобыла»](#))

Так же не скупится Муллин на лестные сравнения классического графомана Е. Грачёва с великими: «В стихотворении «География, история, черчение...» столько игры! Но игра эта не пустая, а та, о которой Пастернак бы сказал: «Когда строку диктует чувство, // Оно на сцену шлёт раба. // И тут кончается искусство, // И дышит почва и судьба». (Одним словом, «эта штука посильнее «Фауста» Гёте»).

Вспоминается предмет геометрия.
Мы патлаты и в клешах – то поветрие,
то есть мода закосить под битлов
и портвейна хлебнуть – будь здоров.

А ещё мы любили Высоцкого.
Нам попозже расскажут про Бродского.
«Воскресенье», «Машина» – потом,
под гитару у клуба... Поём?

Вот такая «игра». Пастернак в гробу бы перевернулся.
Но Муллину сравнение Грачёва с Пастернаком кажется недостаточным. Он берёт октавой выше: «А цикл «Джинсовый ангел» и поэмы вообще заставляют назвать Грачёва саратовским Петрайкой». И сам же в доказательство приводит строки о современной Лауре:

Грусть не при чём, грех не при чём,
просто такое дело:
пухлые губы пахнут вином,
красным вином и белым.

[«Рецензия на рецензию»](#)

Когда-то подобными «преувеличенными» рецензиями было навеяно моё четверостишие:

Кобыла непомерной сивости
нам демонстрирует свой бред,
а критик видит в нём красоты,
многозначительности след.

А чего стоит его восхваления махровой, я бы даже сказала, матёрой графомании Генералова, этого «месье Амилькара, который платит», отсылаю к своему памфлету [«Абракадабра по-генеральски»](#), вдоволь повеселитесь. Муллин и тут как тут со своими льстивыми превознесениями и преподнесениями чёрного за белое.

«Никаких словесных излишеств, лишних строк, ибо всё прочувствованно и всё зримо», — восхищается он. «Простота и безыскусность, помноженные на безупречный вкус — это присуще лирике Генералова», — вторит ему редактор газеты (по совместительству поэт и художник) Глубоков. А вот образчики «безупречного вкуса»:

Нищий

Силён, как зверь. А — нищий вроде...
Расставил ноги шире плеч.
...Вот тянет руку деловито
и нажимает на мой стыд...

Читатель с богатым воображением может подумать, что нищий покушался на честь поэта. Но нет, речь идёт лишь о воздействии на его совесть.

«Генералов явно любит окружающий мир, всё живое, — неутомимо пиарит автора Муллин. — Не присваивает себе самонадеянного «права» осуждать. Тонкий лиризм, сыновья влюблённость в природу, осмысленный оптимизм... — не устаёт перечислять он достоинства

генераловской музы. А вот вам о любви «ко всему живому»:

Ворона

...С важностью особо ценной дамы
нехотя шагнула в глубь двора.
Будто ведаёт любые драмы
и червя, и моего нутра.

Генералов — поэт, на которого не надо писать пародии, в них нет нужды, ибо почти все его стихи — самопародийны.

«Удачно подобраны тёплые полутона обложки. А сам текст набран нестандартным шрифтом», — любит редактор книги Муллин. Да, но ЧТО, извините, набрано?! Бумага, конечно, всё стерпит, но я не такая терпеливая.

«Стихи Генералова становятся всё более профессионально организованными, органично завершёнными и в композиционном, и в образно-смысловом отношении», — пытается он бессовестно втереть очки читателю. Я отозвалась экспромтом:

Графоман прикинулся поэтом.
Густо тень наводит на плетень.
И на каждый видит, что ведь это
не поэт, а о-бо-ро-тень!

Речь не о вкусах в поэзии, а о совершенно очевидных и бесспорных вещах. Что может Муллин мне противопоставить этим справедливым обвинениям? Может ли он привести примеры из творчества этих стихоплётов, чтобы я поверила в саратовских Петрарку и Пастернака, в их «дышащую почву и судьбу», доказательства идентичности звезды Амусина со звездой Пушкина, Бунина и Рубцова? Доказать, что я не права в том, что «крючконосые» в его стихах, несущие беду своему народу — это не евреи, а какие-нибудь сказочные персонажи, что они же, западники, придумавшие скрывать отчества, «чтоб их отцов не угадал народ», «бьющиеся над анкетой», т. е. над пятой графой - это не антисемитизм? ([«Русофобия»](#)) Нет. Крыть нечем. Но он нашёл — чем (см. выше).

Вино превратится в уксус,
а поцелуй в укус,
когда выпускает «русскость»
антисемит и скунс.

Да, крепко я его в своё время задела: [«Русофобия?»](#), [«Рецензия на рецензию»](#). Так ведь за дело. А меня он нисколько не задел, нет. Знаю, что с годами не молодею и не хорошею, но отношусь к этому спокойно. Пластических операций не делаю, в тренажёрные залы и солярии не хожу. Мне это не нужно, мне есть чем заняться более интересным. Муж меня любит такую, какая я есть.

С тобою мне и стариться не страшно,
альбомы пожелтевшие листать.
И каждый миг сегодняшний, вчерашний -
готов воспоминаньем лучшим стать.

Тепло плиты, домашнего халата.
Покой и ясность вместо прежних смут.
Так хорошо, что я боюсь расплаты,
и неизвестно, что ещё возьмут.

Так хорошо, что сердце не вмещает...
И я рукой держусь за амулет.
А может, то судьба мне возвращает -
что задолжала за десятки лет?

Никто уже не смотрит вслед,
А было время – оборачивались.
Как сбросить нам заклятье лет,
В царевен снова оборачиваясь?

И, кажется, рецепт простой:
Целуй меня, целуй сто раз, молю,
И стану, словно в сказке той,
Я Василисою Прекрасною.

Как трудно оставаться тою,
к которой ты привык давно:
с летящей прядью золотою,
слепящей юной красотой,
дурманящею, как вино.

Года подсунули подмену...
Но в сутках есть волшебный час,
когда я снова, как из пены,
предстану юной и нетленной,
незаменимой, неразменной —
в лучах твоих влюблённых глаз.

Лелею в памяти, лелею
и греюсь, нежась и кружась.
Тобой по-прежнему болея,
лелею в мыслях ту аллею,
где шли мы, за руки держась.

Как будто бы в преддверье рая
глаза ласкает синева.
Лелею, холю, обмираю,
как бусинки, перебираю
твои бесценные слова.
Украшу губы поцелуем,
в ушах — два шёпота ночных...
Да, вот такую, пожилую,

любить в захлёб, напропалую...
Как терпят нас в мирах иных,

завистливо взирая сверху
на жаром пышущий очаг,
который и за четверть века
не остудил ещё ночлега,
не оскудел и не зачах!

Вот так бы и в минуту злую,
когда покинет бог огня,
судьбе пропевши аллилуйю,
поставить точку поцелуя
в конце угаснувшего дня.

– Я руку тебе отлежала?
Твоё неизменное: – Нет.
Сквозь щёлочку штор обветшалых
просачивается рассвет.

– Другая завидует этой.
– А я – так самой себе...
Рождение тихого света.
Обычное утро в судьбе.

Жемчужное и голубое
сквозь прорезь неплотных завес...
Мне всё доставалось с бою,
лишь это – подарок небес.

Мы спрячемся вместе от мира,
его командорских шагов.
Не будем дразнить своим видом
гусей, быков и богов.

Но вот — всё-таки раздражила: «А в том, что ты любишь случайного мужа, себя убедить не смогла!» Или ему так хочется самого себя убедить в этом? Или — что гораздо подлее — других?

Один — Куракин — уже пытался в своей анонимке в газете «Жизнь» замарать нашу любовь грязью собственных домыслов, теперь ещё один ему подпевает. Да, трудно это понять и пережить, понимаю, недаром кто-то из великих сказал: «никогда не мстите своим врагам, просто станьте счастливыми — они этого не переживут». Так ведь и до смерти довести недолго. Смерть от зависти — кажется, ни один поэт ещё от этого не умирал. Даже Сальери. Муллин будет первым.))

Ну, может быть, ещё не всё для него потеряно, и на его закат печальный блеснёт любовь улыбкою прощальной, может, тогда расколдуется это чёрное злобное завистливое сердце. Искренне этого ему желаю.

Я живу сейчас так, как всегда хотела жить. Читаю, пишу, выкладываю в ЖЖ свои лекции, переписываюсь с интересными людьми, с талантливыми поэтами, публикуюсь, участвую и

побеждаю в конкурсах. В Саратове, благодаря засилью «своры» во всех местных очагах культуры, я была всего этого лишена. Интернет открыл мне обширные творческие возможности, источники информации и общения. Со мной всегда рядом — любимый друг, собеседник, защитник, единомышленник. Я и думать забыла о всей этой местной бездарии. Но она, оказывается, меня забыть никак не может. Периодически получаю от них анонимки, где то же злобное шипение в спину о том, что де проживаю «в Ашдодах-Израилях», что «хожу не по своей земле», демонстрирующие завидную память о моих недавних победах и публикациях. Вот ведь парадокс — иные друзья уж забыли, не следят за моими творческими вехами, у каждого своя жизнь, а закадычные враги всегда бдят, всему внемлют, всюду принимают, и каждый мой успех — им нож в сердце! Вот уж поистине, «под взглядами врагов я хожу прямее».

На конкурс «Кубок мировой поэзии» семь или восемь саратовских подборок завернули, я же неожиданно для себя прорвалась — ну можно ли им это перенести, посудите сами? Душа алчет крови, реванша!

Из анонимки, скорее всего, принадлежащей перу записного патриота Куракина, который жить не может без своих дебильных выпадов против «дипломированной пятиколонницы, филологини, публицистутки Н Кравченко, проживающей больше в Израилях, чем в России, и по этой причине (а возможно и по причине исторической тяги к соплеменникам Березовскому и Швондеровичу): «Пишу о вас (о тебе, шендеровиче, латыниной и прочих твоих соплеменниках также мерзко, как вы и ваша кагал - пишет о русских журналистах, к коим ты - не имеешь никакого отношения несмотря на то что "родилась и живёшь" в Саратове...». Хочется вымыть руки и глаза.

Национал-патриотам

А вам, друзья, я так отважусь
Сказать, поскольку здесь живу я.
Люблю Россию, но не вашу,
Сусальную и неживую.

Люблю не миф, не сверхдержаву.
Я, здешних улиц уроженка,
Люблю Россию Окуджавы,
Шаламова и Евтушенко.

Не древних сказов благолепье,
Где столько патоки и фальши,
Не только пажити и степи,
Но и проспекты, и асфальты.

Не терема и не усадьбы,
Люблю Россию без рисовки.
Что в нос вы тычете нам лапти,
Коль сами носите кроссовки!

Люблю, не пряча слова злого,
Когда глупа она, жестока,
Русь Гоголя и Салтыкова,
Русь Чаадаева и Блока.

Не тот зовётся патриотом,
Кто водку хлещет, как Есенин,
А тот, кто делает хоть что-то,
Кто мрак пытается рассеять.

Россию любит, кто ей служит,
Кто за неё пойдёт на плаху,
А не позёр, что бьёт баклуши
И рвёт у ворота рубаху.

Кстати, почему все эти пламенные профессиональные патриоты, как они себя позиционируют, дружно как один покинули свои малые родины? Почему Амусин уехал из родной казахстанской Долинки, где «скрипит крыльцо, чтоб не врал отцу», и вместо починки крыльца стал, сидя в Саратове, слагать о нём скрипучие вирши? Где «тот дом деревенский», который покинул на заре юности Куракин, и который до сих пор не в силах отыскать («Я иду по Руси. Отыщу ли тот дом деревенский?») А почему Муллин покинул родную деревню Старо-Костеево Бакалинского района Башкирской АССР, где родился в 1946 году, но не пригодился? Что бы ему не остаться да не работать на благо родного колхоза, прославляя родимые места, что можно было бы с тем же успехом делать и там? Нет, всех из своих медвежьих углов в областные города потянуло. Ну понятно, здесь жизнь полегче да покомфортнее. Но Саратов не ваш родной город. Это я здесь живу с рождения и ни разу никуда не уезжала, даже на лето. Это я здесь училась, работала, читала лекции, пропагандировала русскую и мировую литературу. С какого же бодуна вы себя считаете патриотами родных мест? Да ещё противопоставляете мне — себя? Что вы-то для своего-несвоего города сделали, кроме создания собственных тусовок-кормушек, доморощенных конкурсов и взаимно-хвалебных статей-панегириков, прославляющих воинственную бездарность?

Эти люди давно потеряли профессиональную совесть. А теперь, как вижу, и человеческую.

Расхристан ворот. Нараспашку рот:
«Я - патриот! » - орёт с трибун урод.
Хамелеон хамеет с каждым днём,
и очень многих узнаём мы в нём.

Теперь о «злобе», которую я якобы «лелею» то ли «ласкаю».

В рассказе [«Зависть»](#) (1998) — ирония, сожаление, презрение, но злобы там нет. Может быть, некоторая бестактность, с которой я приводила его личные ко мне стихи, но она искупалась тем, что я не называла его имени, и стихи те не были у него опубликованы, так что понять кто есть кто мог только довольно узкий круг лиц. Мне важно было показать суть явления, а не сквитаться. Он не ответил тогда, как и на другие выпады, уже касавшиеся других вопросов, творческого и идеологического порядка, и я уж было подумала, — неужели что-то понял, осознал, даже что-то похожее на уважительное сочувствие шевельнулось. Как же я была наивна. Он, оказывается, лишь затаился, как скорпион, выжидая удобного момента. Годами лелеял свою злобу, «взамен нерождённых детей», вынашивал план мести, прикидывал-раскидывал умишком, дожидался какой-то моей слабину или промашки, когда можно будет швырнуть свой камень из-за пазухи, вынуть заветную фигу из кармана. Решил, что оскорбив во мне женщину, жену и несостоявшуюся мать, выполнит свою задачу на все сто. Отомстит за себя и заодно перед обиженными мною друзьями выслужится. Вот уж они, наверно, гаденько хихикают, довольно потирают ручки — месть удалась на славу! Браво, браво. Как же вы подлы и ничтожны, если бы вы могли видеть себя со стороны.

Нет, не удалась. Мимо. Муж меня любит, и я его люблю. Друзья и читатели уважают и ценят не за красоту и молодость, что преходящи, а за то, что мной написано и сделано в литературе. Загляните на мой [сайт](#) в графу «письма читателей», «отзывы слушателей», посмотрите фотографии лекционного зала, дипломы за победы на международных конкурсах, видеофрагменты с презентаций книг и творческих вечеров, почитайте отклики в СМИ, ссылки на многочисленные публикации в российских и зарубежных журналах и альманахах. И если вас карачун не хватит от этого просмотра, может, что и поймёте.

А кто знает «лучшего поэта губернии» Муллина за пределами его губернии и тех конкурсов, которые организовал его дружок Амусин? Да-да, тот самый, чья звезда поэзии, подобно пушкинской, никогда не закатится? Кто его славит, кроме тех, о ком он писал свои льстивые хвалебные гимны? То-то и оно.

Лыком шитые писатели по прозванию АСП
прописались в хрестоматии, славу подарив себе.
И живут - не дуют в ус они, ведь сбылись золотые сны!
Ай да Пушкины-Амусины, ай да сукины сыны!

Слышала, что недавно в мартыновской «Волге-21 век» была опубликована статья Муллина о творчестве недавно умершей талантливой саратовской поэтессы Валерии Соколовой. (Только слышала, так как прочитать этот журнал нет ни у кого возможности: редакторша, умудрённая предыдущим редакционным скандалом, подстраховалась, сделав так, что этого издания нет ни в Интернете, ни в продаже, ни в библиотеках). Этаким журнал-невидимка. Зато недоступен для критики.). Муллин, наверное, не знает, иначе бы не писал о ней хвалебную статью, но у Валерии было чётко негативное мнение о муллинско-куракинской тусовке, и она всегда поддерживала меня в этом неравном поединке, о чём даже писала в стихах. Некоторые из них есть в её книгах.

Снимаю шляпу перед Вами,
Наташа, чудное дитя!
Меня Вы прозой и стихами
очаровали, не шутя.

И, стало быть, в мою эпоху,
пока такие люди есть,
в ком живы ум, душа и честь,
не так уж всё на свете плохо.

Как внешность обманчива Ваша!
Вы – куколка, добрая фея.
Вам в райских садах среди пташек
витать, о земном не жалея.

Черты Ваши ангельски ясны,
от Вас не исходит угроза.
Должны Вам казаться ужасны
суровые будни и проза.

Ваш дар восхищенья достоин,
великое кроется в малом.

Не кукла, не ангел, Вы – воин,
Вы – рыцарь с открытым забралом.

И, нежными феи руками,
круша бессердечье и лживость, –
да будут всегда вместе с Вами
любовь, доброта, справедливость!

Валерия Соколова. 22.04.2003

* * *

Наташа, ты беззащитна,
И всё-таки рвёшься в бой.
Слова твои – меч и щит твой,
и сердце моё - с тобой...

Мой Дон Кихот! Готовы латы
и Росинант копытом бьёт!
И снова в бой пойдёшь одна ты,
чтоб мельниц прекратить полёт.

Они огромны и скрипучи,
ты одинок и очень мал.
И воронья слетятся тучи,
чтоб посмотреть – каков финал?

Мой славный рыцарь, ты бесстрашен,
и в бой не можешь не ходить.
Но горько мне, что мельниц наших
тебе вовек не победить.

Валерия Соколова. 21.10.2003

У меня хранится её фотография с трогательной надписью в стихах: *«Не понарошку, не для вида люблю Наташу и Давида»*.

Я далека от мысли побеждать эти мельницы. Всегда и присно будут процветать в нашем городе компанейщина в творчестве, продажность критики, воинствующая безграмотность нахрапистых и предприимчивых графоманов, антисемитизм и сталинизм в писательских кругах. И такие как Муллин будут всячески это поддерживать и поощрять, а такие как я — всячески с этим бороться.

Красной тряпкой я вас ярила,
поднимая газетный шум,
раздражитель ваш и мерило
и – чего там! – властитель дум.

Сколько лет надо мною вьётесь
тучей жадного воронья.
Но финала вы не дождётесь.
Это вам обещаю я.

Упрёки в "донкихотстве", метании бисера и ворошения навозных куч и осиных гнёзд я получала не раз. И, поверьте, с радостью не марала бы рук и не отрывала бы у себя драгоценного времени, если бы кто-то это сделал за меня. Если бы была у нас в городе непродажная и неангажированная критика, которая на страницах доверенной ей печати называла бы чёрное чёрным, а белое - белым, как оно того заслуживает, вне зависимости от того, кто кому шеф, друг, сват и кум, кто сколько заплатил и какие услуги пообещал. Но нет этого в Саратове. Нет и, скорее всего, не будет. И когда я вижу, как владельцы писательских "корочек" расхваливают до небес махрового графомана, дружно принимая его в свой Союз "членистоногих", когда читаю, как кандидаты филологических наук восторгаются безграмотными виршами, а штатные критики пытаются навесить читателю лапшу заказными статьями о "новой современной поэтике" и "актуальной поэзии", за которыми скрываются всё те же "стилизованные ослы" с их "ариями для безголосых", осмеянные ещё Сашей Чёрным и Ходасевичем, то у меня возникает естественное желание как минимум отмежеваться от этой лажи. А как максимум, заявить, что король, извините, голый, и попытаться это доказать. Что я делаю, надо отдать мне должное, весьма скрупулёзно и убедительно, так как терпеть не могу бездоказательной критики и поверхностных, непрофессиональных оценок.

Зачем это делаю? Во-первых, чтобы не портили вкус читателям и те учились отделять зёрна от плевел. Я всю свою сознательную жизнь занимаюсь поэзией, с 1986 года пропагандирую лучшие её образцы в культурных центрах города, и не могу допустить, чтобы суррогат, подделку, липу принимали за настоящее. По поводу замечаний, что все и так, мол, всё видят, понимают и не читают, позволю себе усомниться. Как разобраться во всём несведущему человеку, неискущённому читателю, доверчивому слушателю, хлопающим ушами и ладошами на вечерах самозванцев от литературы, если авторы предисловий изданных сборников, журналисты газет, организаторы презентаций в унисон поют одно и то же, и не находится никого, кто поставил бы заслон этой амбразуре лжи, пусть даже ценой своего спокойствия и благополучия. Я не могу и не хочу всего этого терпеть - восстают совесть, нервы, принципы. Как говорил Бродский, "возникает ощущение, что должен как-то оградить культуру от идиотов".

И смотрите, что получается: я молчу-молчу, терплю, пока терпится, но когда печатная официальная лож зашкаливает, когда я чувствую, что в конце концов кто-то ведь должен! и начинаю, как писал Саша Чёрный, "снявши белые перчатки, и корчась в гуще жития, упорно править опечатки в безумной книге бытия", раздаются голоса: "да стоит ли тратить время и силы на эту очевидную всем графоманию"! Позвольте, кому очевидную? Я сказала об этом первой. Пошла, что называется, против течения. Обрела себя на изгойство и отторженность в писательском мире. Пожертвовала многим, не захотев пожертвовать, как предостерегал Пастернак, "лицом ради положения". Открыла людям глаза. И только из моих памфлетов и статей они узнали о том, что только теперь им стало очевидно. Так скажите, по крайней мере, за это спасибо. И не корите за то, что я не хочу молчаливо подличать, как другие, чтобы спокойно существовать и удобно устроиваться в жизни.

Слыть чужаком и отщепенцем мне больший видится резон,
чем быть лакеем с полотенцем и выть с волками в унисон.

Всплывают в памяти картины того четвертьвекового прошлого. Помню, у меня был какой-то конфликт на работе. Зашёл Муллин — он довольно часто приходил, я стала ему рассказывать, жаловаться. И вдруг у него — обычно уравновешенного, невозмутимого, случился какой-то срыв, неуправляемый взрыв эмоций. «Ну неужели они не видят тебя, не понимают, что ты — чудо?!» - он говорил что-то лихорадочно, сбивчиво, сумбурно, почти кричал, и я осеклась на полуслове, вдруг увидев его другими глазами, увидев человека страстного, страдающего,

любящего. Я ожидала утешения, каких-то, может, житейских советов, но только не этого. Больше таких срывов не повторялось, но та картинка врезалась в память.

Однажды как-то летом были в лесу: Наташа Медведева с Борисом, я, Муллин — собирали цветы, жарили что-то на костре за неимением шашлыка, бродили. Мужчины соревновались, кто соберёт лучший букет для своей дамы, и муж Наташи по-детски расстраивался и злился, что у Муллина он всякий раз получался богаче и пышнее. Потом, помню, у Медведевых отмечали Новый год, я должна была прийти, но не смогла. «Как он тебя ждал!, - выговаривала мне на другой день Наташка. - Всю голову вывернул, оборачиваясь, вздрагивал от каждого стука и звонка! Весь вечер просидел, уставившись на дверь! Как же тебе не стыдно!»

Но у меня уже тогда появился Давид. Наташа бывала у нас, ходила на все лекции, пока не заболела. Незадолго до смерти посвятила нам стихотворение, которое мне очень дорого:

Семейный портрет в интерьере
разодранной в клочья страны.
Сквозь горести и потери
как лица освещены!

Пропитан тоскою острожной
сам воздух, и души в крови. —
А этим двоим так надёжно
в прозрачных ладонях любви.

Грохочут разборки и войны
и рядом совсем, и вдали.
А двое светлы и спокойны —
с ума они, что ли, сошли?

Вокруг кто ворует, кто клянчит,
кто в ненависти хрипит.
А девочка-одуванчик
о веке прекрасном твердит.

Старинною вазой из шкафа
изъят наш уклад и разбит.
Но времени Голиафа
опять побеждает Давид.

И, глядя на них, понимаю,
как встать над бедой и судьбой:
не драться, все копыя ломая,
а просто — остаться собой.

И, значит, вернётся, я верю,
всё то, чем держалась страна.
Семейный портрет в интерьере.
И залита солнцем стена.

У меня хранится этот её листочек с подписью: «Это — лишь малая толика тех добрых слов, которых вы действительно заслуживаете, дорогие друзья. Оставайтесь такими.

Наталья Медведева. Февраль 1997 г.»

Я писала о ней [здесь](#).

на вечере памяти Наташи Медведевой. 2001 год.

Вспоминается «Страшная месть» Гоголя.

Кончается она, если помните, старинной и чудной песней старца бандуриста в городе Глухове, в которой поется о войне короля Степана с турчином и братьях, козаках Иване и Петре. Иван поймал турецкого пашу и царскую награду поделил с братом. Но завистливый Петр столкнул Ивана с младенцем-сыном в пропасть и забрал все добро себе. После смерти Петра Бог позволил Ивану самому выбрать казнь для брата. И тот проклял все его потомство и предрек, что последним в роде его будет небывалый злодей, и, как придет ему конец, явится Иван из провала на коне и низвергнет его самого в пропасть, и все его деды потянутся из разных концов земли грызть его, а Петро не сможет подняться и будет грызть самого себя, желая отомстить и не умея отомстить. Подивился Бог жестокости казни, но решил, что быть по тому.

Вот так и этот горе-мститель. Люди с завистливой, мстительной, чёрной душой обычно сжирают сами себя. Поэтому эти мои заметки я не стала называть памфлетом. Это, скорее, реквием.

Комментарии на Живом Журнале: <http://nmkravchenko.livejournal.com/164462.html>